

ТРИ ПИСЬМА

1. Еще раз по поводу песни

(ОТВЕТ СТУДЕНТАМ)

Дорогой Н. Х.!

Я решительно не согласен с мнением Ваших товарищей, которые утверждают, что песни (вернее, слова песен) должны писаться и пишутся не просто хорошими, талантливыми поэтами, а поэтами особого рода — песенниками, «специалистами по песням». По-моему, все это абсолютно неправильно.

Я мог бы привести такой пример. Великие русские поэты Пушкин, Некрасов и другие никогда не писали специально песен и никогда не были «поэтами-песенниками», как у нас сейчас принято называть некоторых поэтов. А между тем сколько прекрасных песен появилось на их стихи! Причем, замечьте — песни эти имеют одну замечательную особенность: их можно с наслаждением петь или слушать, но с таким же наслаждением их можно и просто читать, как всякие хорошие стихи. Другими словами, независимо от музыки, они имеют самостоятельное художественное значение и потому могут жить не только в соединении с музыкой, но и отдельно от нее. Я лично стою за такие именно песни, о чем мне неоднократно уже приходилось высказываться.

Конечно, не всякие хорошие стихи можно положить на музыку и сделать их песнями. Так, например, известны многие попытки написать музыку на стихи Маяковского. Но из этих попыток ничего не получилось. Музыка, написанная на стихи Маяковского, не приживалась, не прививалась.

Трудно положить на музыку и стихи некоторых других поэтов, ибо песни требуют большой художественной простоты стиха, немногословности его, певучести и некоторых других особенностей. А такими качествами обладают стихи далеко не всех поэтов.

Однако это говорит вовсе не о том, что одни поэты являются «специалистами по песням», а другие этой премудрости не постигли и потому песен писать не могут. Нет, здесь все дело в том, что у одних поэтов характер дарования один, а у других — совсем другой.

Короче, я еще и еще раз хочу подчеркнуть то обстоятельство, что человек, пишущий песни (я имею в виду слова, а не музыку), прежде всего должен быть хорошим, талантливым поэтом.

На практике это положение у нас часто забывается. У нас действительно есть довольно много людей, которые «специализируются» на писании песен и которые называют себя «песенниками» или «поэтами-песенниками».

Не подлежит никакому сомнению, что среди этих людей есть действительно талантливые поэты, но их не так уж много, и моя речь не о них. Я хочу говорить о тех «песенниках», в поэтический талант которых трудно поверить.

Эти последние, усвоив чисто внешний образ некоторых словесные ходы, некоторые формы стиха, часто встречающиеся в песнях, пишут на любые темы и в любом количестве, насколько не беспокоясь о поэтическом качестве написанного. Свои писания они распространяют среди композиторов. И те сочиняют музыку. Сочиняют отчасти потому, что не очень разбираются в качестве словесного материала даваемых им «текстов», а главным образом потому, что хороших стихов, которые можно было бы положить на музыку, пишется мало или же они не попадают композиторам в руки. Таким образом, нас начинает захлестывать волна песен, но музыка, может статься, и хороших или, в крайнем случае, средних, но написанных на слабые, на скверные, бездарные стихи, которые отнюдь не могут служить украшением нашей поэзии. Скорей всего они компрометируют ее.

И хотя авторы таких стихов называют себя поэтами-песенниками, — они не поэты. Они — ремесленники, поденщики, даже откровенные халтурщики.

Ведь и в песню-то они пошли не потому, что этого требовал характер их таланта, а потому, что таланта у них вообще нет. Их стихи держатся только на музыке. Если отбросить музыку, то легко убедиться, что они ничего не значат, ничего не стоят. Ни один журнал их не мог бы напечатать. И читать их абсолютно неинтересно.

Конечно, можно и специально писать стихи для музыки. Ничего дурного

го в этом нет. Но талант и тут должен быть обязательно. Надо писать так, чтобы стихи могли быть хорошей словесной тканью для песни и в то же время оставались бы поэтическим произведением.

Есть еще и такой способ сочинения песен. Композитору пришла в голову какая-либо мелодия. Он написал музыку. А слов нет. Тогда он обращается к кому-либо из поэтов с просьбой написать слова.

Я лично таких вещей не делаю. Готовая музыка меня всегда как бы сводит, стихи поэту подучаются плохие. Но многие пишут слова и на готовую музыку.

Покойный В. И. Лебедев-Кумач в большинстве случаев писал на готовую музыку. Однако и в этом случае поэт должен быть, как говорится, на высоте, т. е. должен оставаться поэтом, а не ремесленником, должен быть строгим к себе, к своей работе.

Это, к сожалению, помнят далеко не все из числа тех, кто сочиняет стихи на готовую музыку. Ведь даже тот же В. И. Лебедев-Кумач, успехи которого в области песни несомненны, делал иногда такие вещи, делать которые поэту непозволительно. Вот один из примеров:

Ой вы, кони, вы, кони стальные,
Боевые друзья трактора,
Веселее гудите, родные, —
Нам в поход отправляться пора!
Мы с чудесным конем
Все поля обойдем —
Соберем, и поседем, и вспашем...

Таковыми словами начинается «Песня трактористов». И начало это кажется мне довольно странным. И вот почему:

Поэт называет трактора **стальными конями**. Что ж, пусть так, хотя это и не очень ново. Но если обращаться к тракторам как к коням, то разве можно сказать «веселее гудите, родные»? Ведь известно, что кони никогда не гудят. Они ржут. Однако заменить «гудение» «ржанием» тоже нельзя. Ведь речь идет все-таки о тракторах. А трактора разве могут «ржать»? В общем, получилась какая-то нелепость, неразбериха.

Теперь дальше:

...Все поля обойдем —

Соберем, и поседем, и вспашем...

В жизни все бывает как раз наоборот: сначала пашут, потом сеют и, наконец, собирают. А поэт утверждает свое. Нелогично выходит.

Даже в такой знаменитой песне, как «Широка страна моя родная», есть недопустимая небрежность:

Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать...

Конечно же, надо не «сломать», а «сломить». Это понятно всякому школьнику.

Впрочем, я несколько отвлекся... Но в общем-то мне хотелось сказать, что бывает и так, когда слова пишутся уже на готовую музыку, но что и в этом случае поэт всегда должен добиваться того, чтобы его слова имели самостоятельную поэтическую ценность.

Наконец, существует еще один способ сочинения песен. Он заключается в том, что и поэт, и композитор собираются вместе и вместе же сочиняют. Поэт вчерне набрасывает какие-то слова, композитор ищет мелодию, сидя за роялем. Они друг друга поправляют, уточняют, переделывают то, что было набросано, и т. п.

И если опять-таки иметь в виду себя самого, то надо сказать, что меня такой способ никак не устраивает. Я не думаю, что, работая таким образом, можно написать хорошие слова для песни. Разве как-нибудь случайно это может получиться. Впрочем, оговариваюсь: это сугубо личное мое мнение.

Мне осталось ответить еще на один Ваш вопрос. Вы спрашиваете: что такое песня, чем она отличается, например, от обычных стихов и пр.

Вообще говоря, **песня** — это прежде всего произведение **музыкальное** или, вернее, **словесно-музыкальное**. И стихи становятся песнями (в полном смысле слова) лишь тогда, когда на них написана музыка, когда их начинают петь, а не читать.

Правда, у поэтов прошлого и настоящего довольно часто встречаются **стихи**, которые помечены у них как **песни**. Но название «песня» в поэзии является чисто условным. Ведь и поэтов называют иногда **певцами**, хотя они вовсе не поют, а только пишут.

Таким образом, можно сказать, что никакого принципиального различия между песней (т. е. стихотворением, положенным на музыку, или таким, которое не положено на музыку, но может быть положенным) и обычным стихотворением нет. И то, и другое является (по крайней мере, должно являться) произведением поэзии.

У нас есть поэт-классик А. В. Коль-

цов. У него многие стихи названы **песнями**. По своему образному строю, по словарю, по ритму они напоминают народные песни. И все же стихи Кольцова остаются прежде всего стихами, т. е. такими произведениями поэзии, которые принципиально не отличаются от стихов того же или даже другого поэта, написанных в другом роде.

Разумеется, «песенное стихотворение» чем-то разнится от «непесенного»: может быть, тем, что оно более певуче, что менее сложно, скажем, по языку, по синтаксису и т. п. (я об этом уже говорил раньше), но, еще раз повторю, принципиального различия тут нет никакого. И то, и другое суть произведения поэтические, и поэтому художественное качество того и другого должно быть очень высоким.

Вот все, что хотелось Вам сказать в ответ на вопросы Ваши и Ваших товарищей-студентов.

Март 1958 г.

2. «Ищу Горького!»

Уважаемый И. И.!

Многие начинающие стихотворцы в письмах, адресованных мне, выражают сожаление, что у нас нет сейчас М. Горького, вернее, что у нас нет человека, который бы заботился о росте молодых кадров литературы, помогал бы им, как это делал в свое время Горький. Было даже так, что один учитель из Узбекистана украсил свое письмо специальным девизом: «Ищу Горького».

Вот и Вы тоже «ищете» Горького, и Вы полагаете, что у нас не оказывают должного внимания подрастающему поколению.

Ну, прежде всего о подрастающем поколении, — я имею в виду, конечно, подрастающее поколение литераторов. Верно, что М. Горького у нас нет. Но это отнюдь не значит, что на молодых литераторов никто не обращает внимания, никто не помогает им. Для молодых литераторов много делают Союз писателей и его отделения на местах, Литературный институт, редакции журналов и, наконец, сами писатели. Писательские ряды непрерывно растут за счет все новых и новых сил, за счет талантливой молодежи. Это видно хотя бы из того, что, скажем, за послевоенные годы в нашей русской поэзии (я сейчас буду говорить только о поэзии и только о русской) появились многие десятки (если не сотни) новых поэтических имен. Так что это абсолютно неправильно, что молодые литературные силы находятся у нас в полном забвении.

Теперь о Горьком, о его работе с начинающими авторами.

В большинстве случаев мои корреспонденты представляют дело таким образом, что Горький помогал буквально всем пишущим, всем, кто обращался к нему. И всех он, как говорится, вводил в литературу. В некоторых письмах ко мне так прямо и значится: Вас-то, мол, Горький научил писать. Вас-то он ввел в литературу; теперь Вашим священным долгом является сделать то же самое со мной. Этим товарищей не смущает то обстоятельство, что Горький никогда не давал мне советов, как нужно писать, и я никогда не посылал Горькому своих стихов ни на консультацию, ни для «продвижения в печать», как выражаются некоторые, ни по какому-либо другим причинам. И вообще говоря, Горький узнал о моем существовании лишь после того, как вышла из печати моя книга стихов «Провода в соломе». Впрочем, это вопрос особый и дело не в нем. Дело в том, неверном представлении о работе Горького с начинающими авторами, которое существует у многих молодых (да и не только у молодых) людей, пишущих стихи. Им кажется, что если бы был жив Горький, то он всех поголовно сделал бы писателями, ввел бы их в литературу. Конечно, Горький помогал многим писателям. Однако он никак не мог, что называется, охватить всех пишущих. Да это и не нужно. Ведь известно, что среди пишущих подавляющее большинство «безнадежных», и тратить на них силы нет никакого смысла.

Горький искал среди пишущих прежде всего талантливых людей и помогал именно им. Но он, между прочим, не терпел графоманов, очень сурово разговаривал с теми, кто за перо взялся случайно, без достаточных к тому оснований, с людьми малограмотными, не желающими учиться и т. п. Все это видно из переписки Горького с начинающими авторами, которая теперь опубликована и с которой Вы при желании можете познакомиться.

Я говорю это затем, чтобы Вы поняли: далеко не все надо сваливать на отсутствие Горького. А то ведь часто бывает так, что иной человек и десяти путных строк не написал, а уже требует, чтобы к нему приставили Горького: мол, я талант, растите меня. Все это сплошная демагогия.

Я, например, далеко не уверен в том, что Горький действительно нужен тому учителю, о котором я сказал в начале письма. Он пишет такие стихи:

Любви горячая слеза
С моих ресниц скатилась тихо...
Передо мной твои глаза,
Твоих волос красивый вихор.
Друг мой,
Со мной
Творится что-то непонятное.
Ношу я тяжесть на душе
Мучительно-приятную.

Все стихотворение написано в том же духе. Стихотворение, как видите, очень банальное. Нет в нем ни одной свежей поэтической интонации, ни одного свежего слова. Короче говоря, нет ни одного признака, который свидетельствовал бы о талантливости автора. А раз это так, то никакой даже самый крупный писатель ничего не может сделать. Горький растил таланты. А если таланта нет, то тут уж ничего не поделаешь.

Далее, я абсолютно уверен в том, что и Вам (по крайней мере сейчас) также не нужен Горький, т. е. не нужен человек, который учил бы Вас литературному мастерству, так как этому человеку нечего было бы с Вами делать. Ведь Вы же очень малограмотны. В своем письме Вы говорите так: «Жаль, что очень мало у нас М. Горьких, который обращал особое внимание к подрастающему поколению». В одной этой фразе имеется несколько ошибок. А в стихах Вы ухитряетесь делать по нескольку ошибок даже в одном слове. Так, вы пишете «сожонные кусты», хотя правильно было бы «сожженные кусты». Вы пишете «силенной», вместо «вселенной». Такими ошибками переполнены все Ваши стихи. И уж если (Окончание на 4-й стр.)

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Вам кто нужен, то нужен в первую очередь обычный школьный учитель, а во все не Горький. Вам нужно обязательно научиться правильно писать слова, правильно строить фразы, правильно выражать свои мысли. И уж потом браться за стихи. Тогда, может быть, что-нибудь и получится. Сейчас же — могу в этом поручиться — ничего у Вас не выйдет, сколько бы Вы ни писали.

Между прочим, плохое знание Вами русского языка, Ваша малограмотность свидетельствуют также о том, что вообще у Вас маловато знаний. Как же в таком случае Вы хотите стать писателем? Малограмотный, малознающий человек писателем стать не может, и никто не в состоянии сделать его писателем.

Поэтому вот Вам мой совет: не надо жаловаться на отсутствие Горького. Надо самому приняться за дело, надо приобрести те знания, которых Вам не хватает. А тогда можно будет и писать попробовать. И если из Ваших писаний будет хоть что-либо получаться, поверьте, найдется и для Вас тот человек, тот Горький, который и посоветует Вам, и поможет. А сейчас, повторяю, Горькому пока нечего было бы делать с Вами, как и со многими другими, жалующимися на его отсутствие.

Желаю Вам всего лучшего.
Июль, 1959 г.

3. «...Фигуры моей свёрт»...

Уважаемый тов. В.!

Я получил Ваше письмо и несколько стихотворений.

Конечно, Вы хорошо знаете свои стихи. Все же я хочу воспроизвести некоторые из них, чтобы потом поговорить с Вами.

Вот как Вы пишете в стихотворении «Сделаю»:

ТРИ ПИСЬМА

«Выражения
волгло-кисельного
не покажет
фигуры моей свёрт.

Прямой.
Светлый целью.
Заставлю.
Добьюсь.
Поверят.
Я

буду
поэтом».

Вот Ваше стихотворение «Будет».
«Не хилостью,
которая

копчёным ногтём
дребезжит в дней вкусе.
Глазами неудовлетворенности

тёма.

Сильный.
Гордый
поднимуся;
Для нас
все доступно...»

Наконец, из стихотворения «Признание»:

«Не скромно
с фигурой моей
оттиском,

окусывая
задние
двери,

ощущать
тусклое
от эпохи
горения.

Не встану
за словом
в очередь

с кустом
слашавой
головы.

Точка.
Мой черёд...»

Прочитал я Ваши стихи, и мне захотелось — со всей прямотой и откровенностью сказать Вам, по крайней мере, две вещи.

Первое. Когда Вы писали эти (а также и другие) свои стихи, то, мне кажется, стремились больше всего к тому, чтобы быть самым оригинальным, самым исключительным, не похожим ни на кого другого стихотворцем. Именно поэтому в Ваших стихах так много всевозможных вывертов, всевозможного, я бы сказал, кривляния. Смотрите, мол, каков я есть, какие колени я могу выкидывать...

Однако, если бы Вы немножко лучше знали историю литературы, то поняли бы, что никакой оригинальности в Вашей манере письма нет. Она — эта Ваша манера — лишь повторение того, что уже было. Я, например, до сих пор помню строчки одного стихотворца, напечатанные в 1920 году:

Человечки вопили, что ты хочешь
изнасиловать
Какого-то наследия заржавленные
гвозди...

Видите, когда еще некоторые люди, именовавшие себя поэтами, пытались насиловать «заржавленные гвозди». В общем, тогда многие писали похлеще Вашего. И Ваша «хилость, которая копченым ногтём» якобы «дребезжит в дней вкусе», — это лишь бледная тень того, что было.

Главное же заключается в том, что все это выброшено за борт, все это давным-давно забыто, как вещь абсолютно

ненужная, бесполезная. А Вы хотите все это воскресить. Стоит ли?

Ведь это не подлинная оригинальность, а оригинальничанье, фокусничанье, проявление дурного вкуса. И чем скорее Вы избавитесь от подобной «оригинальности», тем будет лучше для Вас.

Вы должны понять, что настоящая оригинальность поэзии достигается отнюдь не коверканьем родного языка, отнюдь не всевозможными словесными выкрутасами.

И вот второе, что мне хотелось Вам сказать.

Всякий хороший поэт пишет и должен писать лишь тогда, когда у него есть глубокая душевная потребность сказать людям нечто важное и значительное, нечто такое, что может сказать только он один: ибо он заметил, он открыл в жизни какое-то явление, которое другим неизвестно, он пережил какое-то такое чувство, которого другие не могли пережить (а если и пережили, то, может быть, не осознавая этого). Одним словом, у поэта должен быть серьезный повод для разговора с людьми и глубокая потребность в этом разговоре.

И если у него все это есть, то, поверьте, он никогда не станет играть словами, как это делаете Вы, не станет фокусничать и фиглярничать. Он делает это, я бы сказал, на нормальном человеческом языке.

И Вам я советую писать на нормальном человеческом языке, ибо за всякими словесными ухищрениями обычно скрывается отсутствие сколько-нибудь серьезного, нужного людям содержания.

В Ваших стихах много самых различных нелепостей, малограмотных выражений (хотя, в общем, человек Вы, по видимому, грамотный) и т. п. Но на деталях я останавливаться не буду. Это Вы поймете сами, если серьезно задумаетесь над своими писаниями.

Июль, 1959 г.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, от СССР — В 8-59-17, внутренней связи — К 4-06-05, международной связи — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, изд.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.